

Лидия Чарская

Огонёк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-22

Чарская Л.

Ч-22 Огонёк / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 80 с.

ISBN 978-5-4241-2084-8

"Не могу дать себе отчета, как я вылетела затем из коридора и очутилась в классе, упала на ближайшую скамейку и замерла без чувств, без мыслей, без дум. Не помню также, сколько времени я так пролежала, а когда очнулась и несколько пришла в себя, передо мной стояла Принцесса.

- Надо молиться; а не плакать, Ирина! - произнесла она твердым, строгим голосом, какого я еще не слышала у нее, и ее серые, обычно мягкие, кроткие глаза, теперь смотрели суровым, повелительным взором...."

ISBN 978-5-4241-2084-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская
Огонёк

Повесть для детей среднего и старшего возраста

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ОГОНЬКА К МАТЕРИ

«Мамочка моя золотая!

С той минуты, как твои милые губки прижались в последний раз к моему лицу, мне кажется, что я вижу дурной сон, который никогда, никогда не прервется! Мамочка, зачем судьбе понадобилось, чтобы мы расстались? Почему я должна была уехать за тридевять земель в далекий, холодный, сумрачный город, если есть бездна всевозможных учебных заведений в наших краях?! Наши края! Только сейчас я вполне оцениваю значение этих слов! Золотая моя! Помнишь, я несколько раз бранила наш милый город, особенно осенью, когда шел дождь и оставлял на площади большие гадкие лужи? Здесь нет луж. Здесь улицы похожи на коридоры и все тут чинно, чисто, но, мамочка, я плачу по моим большим грязным лужам, в которых видишь себя как в зеркале, когда придет фантазия высунуть по собственному адресу язык...

Здесь гримасничать и высовывать языки не полагается. Здесь, глядя на чинно ступающих по тротуарам молодых девиц, кажется, что все они учатся на круглые пятерки, а ведут себя так, что комар носа не подточит, по любимому выражению бабушки Лу-лу.

Ах мамуля, мамуля, Золотая моя! Как мне тебя не хватает! Когда мы прощались с тобой на вокзале и ты застыла, держа меня в последний раз в объятиях, мне показалось, что у меня разорвется сердце. А когда я прыгнула в вагон, я думала, что умираю... Твои заплаканные глазки, которые я мысленно называю моими фиалками, твое осунувшееся личико стояло передо мной всю дорогу. С мучительной ясностью представлялась мне каждая подробность нашего последнего дня, проведенного вместе. И твое серое платьице с мелкими горошинками... Милое мое платьице! Как охотно перецеловала бы я каждую горошинку, потому только, что твои худенькие пальчики прикасались к ним! Сокровище мое, мамуся! Не сердись на твоего глупого Огонька, если она признается тебе в том, что ревела всю дорогу... Я смочила слезами полдюжины носовых платков, мамуся, и так добросовестно, точно они побывали в корыте у прачки. И еще, пожалуйста, не сердись за то, что я не сумела сдержать данного тебе слова, когда так горячо обещала быть благодарной, но... Слушай, Золотая, это было выше моих сил! Когда я горько плакала в вагоне, уткнувшись в угол носом, напротив меня очутился какой-то молодой франт из такой породы, знаешь, какие гуляют у нас в городе с пестрыми галстуками, с тросточками в руках в праздничные дни на бульваре. И... и... золотая моя мамочка, брани меня, но я должна передать тебе весь разговор, происшедший между нами. Читай:

Молодой человек: Послушайте, mademoiselle, почему вы так горько плачете? Такая почти взрослая барышня, и вдруг... Позвольте полюбопытствовать, кто вас обидел?

Я: Всхлипываю.

Молодой человек: Не хотите ли карамельку, маленькая барышня? Это утешает!

Я: Продолжаю всхлипывать, потому что уже никак не могу удержаться, хотя мне и мучительно стыдно показывать свое горе другим.

Молодой человек: Ага! Я понимаю! Маленькая барышня недавно рассталась со своими и едет, должно быть, далеко. К чему же, однако, плакать? Другие молоденькие особы бывают даже очень довольны, когда вылетают из-под родительского крылышка, потому что их мамы обыкновенно старые, несправедливые ворчуньи, надоедающие им своими нотациями, выговорами, советами и...

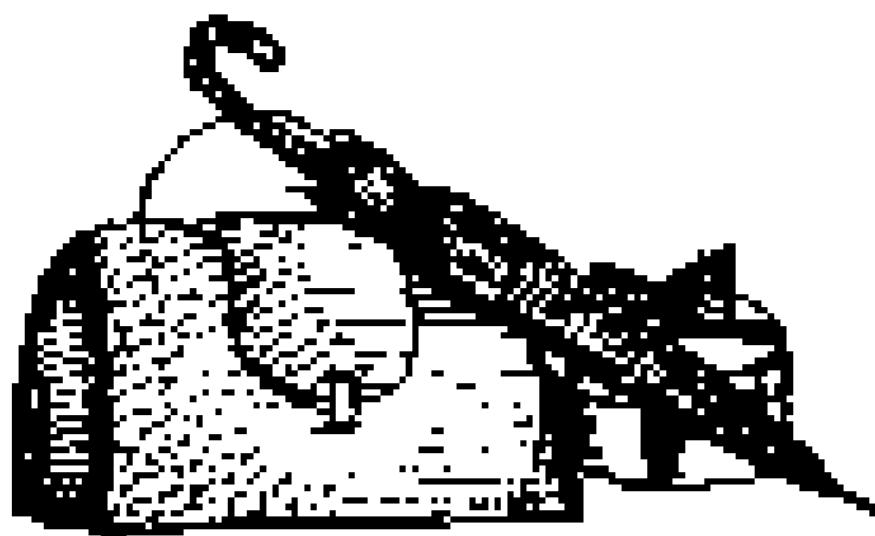
Ему не пришлось распространяться дальше на эту тему. Не беспокойся, моя мамуся! Все как будто перевернулось во мне. Что? Он смеет подводить тебя под общую мерку каких-то старых ворчливых и брюзжащих мамаш! Тебя, Золотую, с твоим чудным личиком, с твоими глазами-фиалочками, с твоими дивными волосами цвета спелой ржи! Ах, мама! Это было уже слишком! Брани, брани свою пятнадцатилетнюю дурочку, которая никогда не будет, кажется, благонаправленной девицей, но... но, мамочка... Прости! Мой мокрый от слез платок был отброшен куда-то в угол, я сделала злое, злое лицо, как у цепной собаки и... высунула ему язык. Потом... Ах, я не помню, что было со мною. Я так ревела, точно хотела превратить весь этот вопль в непроходимое болото, и так громко, что какая-то почтенная дама сжалилась надо мною, обняла меня за плечи и увела к себе в маленькое уютное купе, где не было никого, кроме нас, и где после бесконечных слез я так божественно уснула!

Всю дорогу мы уже не расставались с нею. Она очень добрая, хотя и не такая молоденькая и красивая, как ты. Но ведь ты Золотая... И такой другой, как ты, не может быть на свете... Ты хмуришься сейчас, вижу, голубонька моя мамочка! Тебе неприятен мой глупый лепет? Ты хочешь знать поскорее, что стало дальше с твоим Огоньком... Сейчас, сейчас, Золотая! Потерпи немножко! Мне простибельные такие отступления, ведь я так люблю тебя! Я так люблю тебя, моя мама! Ну слушай, слушай! Четыре дня мы провели в дороге. Добрая дама оказалась петербургской жительницей и рассказывала мне обо всем, что ждет меня в столице. О шумном, многолюдном городе, о театрах, выставках, музеях, Эрмитаже. Ее зовут Ольга Денисовна Страгунина, она женщина-врач и очень хороший человек, по-видимому. Мы были неразлучны всю дорогу. Когда я принималась плакать, рассказывая о тебе и о моей разлуке с тобою, она утешала меня с чисто ангельским терпением. Обедать мы выходили на станциях вместе и ужинать тоже, а в промежутках между обедами и ужинами я угощала ее твоими пастилками, шоколадными конфетами и мятными лепешками, которыми так щедро ты снабдила меня, Золотая. Знаешь ли, какая мысль пришла в голову твоему Огоньку? Недурно было бы после окончания гимназии пойти на медицинские курсы, с условием, конечно, если ты будешь служить в столице, а потом сделаться такою же женщиной-врачом. О, как это было бы прекрасно! Я бы работала для людей, умаляла, по мере сил и возможности, их страдания и в то же время своим собственным трудом дала бы возможность Золотой отдохнуть и не работать больше так много. Ну что, мамуся, какова моя мысль? Хороша? Или опять твой Огонек «вспыхнул впусую»? Эти твои слова я пишу с особенным удовольствием. Твои слова!.. Они в разлуке кажутся мне еще более значительными и дорогими! Помнишь, мамочка, как часто ты говорила твоей Ирине: «Огонек! Смотри, не вспыхивай так часто, слишком рано сгоришь!»

Ах, мамочка, Золотая моя, прекрасная! Не даром же ты прозвала Огоньком свою глупенькую, горячую, огневую девочку! Огоньку свойственно гореть.

Пора заканчивать письмо, мое счастье-мамочка! Мы подъезжаем к Петербур-

гу. К этому большому страшному городу, о котором ты мне рассказывала столько чудес. Целую твои милые тоненькие пальчики, твои фиалочки-глазки, твою золотую головку! Боюсь смертельно, что ты не разберешь мои каракульки карандашом. Но в поезде писать, сама знаешь, неудобно, хотя Ольга Денисовна и подложила мне толстую книгу под почтовые листочки. Прощай еще раз, мамуля! Завтра напишу побольше и поумнее. А пока миллион раз целует тебя твой
глупый Огонек!»

ВТОРОЕ ПИСЬМО ОГОНЬКА К МАТЕРИ

«Золотая!

Твой глупый Огонек на месте. Ах, мамуля, если бы ты знала, сколько впечатлений зараз! Боюсь, что не сумею поделить толком ими с тобою. Призываю все свое благоразумие и постараюсь всюю.

Может быть, Золотая мысленно меня поцелует за это. Слушай, мамочка, слушай! Огонек твой приехал в Петербург поздно вечером, когда платформа вокзала была залита электрическим светом. Было также почти светло, как у нас в театре. Суетились люди, бегали носильщики, и с растерянно взволнованными лицами топгались встречающие. Не успела я из окна купе разглядеть хорошенько всю эту интересную картину, как в вагон вошел кондуктор и очень громко, предполагая, вероятно, что здесь сидели глухие, прокричал:

— От гимназии Рамовой есть встречающие. Барышня Ирина Камская здесь?

Представь, мамуля, твой Огонек совершенно позабыла в ту минуту, что она не Огонек, а барышня Ирина Камская, и смотрела на кондуктора такими глупыми глазами, точно хотела сказать: «Здесь нет никакой Ирины Камской здесь только Ольга Денисовна и Огонек!» Но, к счастью, моя спутница оказалась находчивее меня. Она ласково сказала мне:

— Вот видите, Ирочка, вас выехали встретить! Это очень любезно со стороны заведующей гимназическим интернатом.

И прибавила на прощанье:

— Желаю вам полного успеха, моя деточка! Знаю — нелегко вам будет привыкать к новой жизни, в разлуке с матерью, на первых порах, но что делать! Ведь это временно... Два года пролетят, как сон, и вы снова соединитесь навсегда с мамашей.

Мы расстались. Какая она славная! Похожа на нашу старушку-бабушку Лулу... только чуть помоложе. Да, кстати, поцелуй от меня Лу-лу, Золотая, и дядю Витю, и Кнутика, и Милочку... Анатолию Дмитриевичу и Заза передай привет! Мне стыдно, что в первом письме с моими слезами я упустила из вида сделать это. Скажи им, что Огонек любит их всех и просит горячо ее друзей поберечь ее дорогую мамулю. Скажешь, мамочка, да? Ну а теперь я продолжаю.

Едва только твоя глупая дочка успела выпрыгнуть из вагона, как чуть не сбила с ног стройную высокую особу в синем платье с ослепительно-белыми манжетами и воротничком. Уверяю тебя, мамочка, они были белы, как сметана, и еще более выделяли своей белизной смуглое лицо их хозяйки. Дама или, вернее, барышня в отменно белом воротничке взглянула на меня быстрыми и очень, должно быть, зоркими глазами стального цвета, так мне показалось, по крайней мере, при обманчивом свете электричества в ту минуту на вокзале. Какие они на самом деле — рассмотрю завтра утром и послезавтра сообщу тебе. Итак, Синяя Дама посмотрела на меня тем взглядом, о котором пишут в дурных повестях, что он пронзает, как шпага, и спросила:

— Не вы ли Ирина Камская?

Я поспешила ответить, что я. И в свою очередь осведомилась:

— А не вы ли начальница гимназии госпожа Рамова?

Ах, мамочка, скажи: я, кажется, не должна была делать этого?!

Конечно, не должна была, Золотая, потому что она сделалась вдруг зеленой, как салат — моя Синяя Дама — и ответила мне с убийственной улыбкой.

— Вы ошибаетесь, m-lle, если думаете, что наша глубокоуважаемая Мария Александровна будет лично встречать каждую вновь поступающую в ее гимназический интернат. Что же касается меня, то я только заведующая интернатом Маргарита Викторовна Боргина.

И опять эта убийственная улыбка, которая мне совсем не по вкусу, уверяю тебя, мама! Чтобы избавиться как-нибудь от этой улыбки, я поспешила приветствовать мою надзирательницу и дружески протянула ей руку.

Ах, Золотая! Твой Огонек опять чуть было не вспыхнул и не натворил бед при первом же знакомстве с его ближайшим начальством. Послушай только, мамуля, что она сделала, эта Синяя Фурия!

Она не дала мне руки! Понимаешь? Не дала! Она только кивнула мне своей гладко причесанной головой под плоской, без малейших украшений, как блин, шляпой, и все с тою же убийственной улыбкой спокойного равнодушия ко всем людям, взятым вместе, проговорила:

— У нас не принято здороваться за руку с начальством. И вообще никогда не следует первой протягивать руку старшим, постарайтесь хорошенько запомнить это, m-lle!

Вот так номер!

Твой Огонек приложил все свое старание, чтобы не захохотать во все горло прямо в лицо этой напыщенной Синей Штуке. Уверяю тебя, мама! Мне это стоило таких огромных усилий! А потом Синяя Фурия взяла меня за руку, точно мне шесть лет, а не пятнадцать, и мы стали протискиваться с ней сквозь толпу приехавших с этим поездом, встречающих их родственников, друзей и знакомых и сквозь целый полк носильщиков, представителей от всевозможных гостиниц, отелей и комиссионеров. Наконец, после продолжительной работы локтями, я вздохнула облегченно, почувствовав себя на свободе, то есть на перроне вокзала. Синяя Дама сделала знак сторожу и сказала что-то. Сторож в свою очередь крикнул всего три слова, но так громко, что едва не оглушил меня.

— Карета госпожи Рамовой!

И мы с моей путницей очутились в тесной, но быстро и мягко покачившей на своих резиновых шинах карете. В окно ее можно было отлично рассматривать длинные, прекрасные, широкие улицы, на которые, должно быть, очень совестно бросать апельсиновые корки или бумажки от карамелей. Огромные зеркальные витрины магазинов, залитые волнами электрического света, роскошные экипажи, купе каретки, извозчичьи коляски и нарядные и скромно одетые прохожие мужчины и дамы. Первые такие же, как и у нас в провинции: элегантные, похожи на Анатолия Дмитриевича, или Кнутика, когда те изображают светских франтов, а скромные на Заза или дядю Витю. Зато дамы, мамуля! Ах, какие у некоторых из них туалеты и какие они все хорошенькие, при свете электрических фонарей! Только все же не такие хорошенькие как ты; у них нет таких чудесных цвета плавленого золота и спелой нивы волос, как у моей мамы, нет таких фиалочек-глаз, как у тебя, Золотая. И если бы на тебя надеть те роскошные шляпы и костюмы, ты бы была лучшей красавицей среди них.

Мы проколесили не более четверти часа по улицам, пока наконец наша каре-